

Военная педагогика: история людей и идей

Владимир ДАВЫДОВ, главный редактор журнала «Российское образование», полковник запаса

У педагогики — огромный социально-исторический опыт в различных сферах деятельности. Мы говорим сегодня о педагогике высшей школы, семейной, театральной, военной и т.д. У каждой из них — свои особенности, методы, технологии. Этот бесценный опыт обогащает профессиональную деятельность общеобразовательной школы.

Предлагаем вам статью о военной педагогике, воспитательные методы которой весьма любопытны и эффективны. Материал этот с успехом можно использовать на уроках истории, на факультативных занятиях.

В комплекте с маршальским жезлом...

Основоположник отечественной научной педагогики К.Д. Ушинский, вспоминая пору своего профессионального становления, отметил, как однажды в Гатчинском сиротском институте нашёл библиотеку, изучение которой привело его к прозрению. «Этим двум шкафам я обязан в жизни очень многим и, Боже мой! от скольких грубых ошибок был бы я избавлен, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем выступил на педагогическом поприще!» Знакомство с теорией привело Константина Дмитриевича к выводу: только освоение всего многообразия методов и приёмов педагогического воздействия может спасти от той упрямой односторонности, которая слишком часто встречается в практике игнорирующих науку обучения и воспитания руководителей коллективов, увлечённых административной, организаторской стороной дела.

Заглядывая в духовную сокровищницу предков, похожее открытие, верно, делает каждое новое поколение людей, занимающихся воспитанием юношества. Но в отличие от Ушинского наши современные наставники не всегда с прилежанием осваивают научно-педагогический арсенал. А он огромен.

Помимо классиков — К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, в области педагогики вели успешную деятельность такие корифеи науки, как А.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Н.И. Пирогов, Д.И. Менделеев, П.Л. Лавров, А.И. Попов, В.И. Вернадский, В.Е. Грум-Гржимайло, Д.А. Милютин, С.О. Макаров, читавшие лекции в университетах, в военных училищах и академиях империи, уделявшие много внимания нравственному воспитанию юношества. И очень жаль, что многих современных педагогов не интересует содержимое гатчинских книжных шкафов. Военная педагогика — это история ярких людей и идей, школа мысли, давних традиций. Нынешнее возрождение боевого потенциала российской армии невозможно без освоения этой сокровищницы, без педагогического всеобуча офицерского корпуса. В ранцах будущих наших полководцев помимо маршальского жезла должен лежать и учебник военной педагогики. Тем более что идеи долговременного действия со времён Константина Дмитриевича Ушинского приросли количественно и качественно.

«Великую любовь к солдату иметь»

Научно-педагогический багаж цвета хаки складывался веками. Историю военной школы правомерно рассматривать с реформаторской эпохи Петра I. В конце XVII — начале XVIII века, в период создания регулярной армии, зарождалась самобытная система обучения и воспитания русских воинов. Для формирования национального офицерского корпуса по указу Петра I созданы бомбардирская школа в Преображенском полку, инженерная, матема-

тическая, медицинская, иностранных языков и навигацкая школы в Москве, морская академия, артиллерийское училище в Петербурге; открыты 50 гарнизонных унтер-офицерских школ.

Державный педагог, освоивший азы дидактики в учебных баталиях «потешных» частей, испив чашу «нарвской конфузии», — разбитые армии хорошо учатся, — повёл свои грозные полки от победы к победе. Царь-самоучка соединял в себе большого политика, стратега и тактика. Требуя от войск сверхчеловеческих усилий (вплоть до переноса кораблей на руках на сотни вёрст), «господин бомбардир» никогда не расходует солдатской энергии понапрасну. Уже ингерманландский поход 1702 года выявил стратегические дарования тридцатилетнего монарха. Вывод армии из Гродно, проведённый по его инструкции, стал шедевром военного искусства, как отвод Кутузовым войск из Тироля в Моравию. Кампания 1708–1709 годов, завершившаяся разгромом армии Карла XII, вошла во все учебники военного искусства.

За сто лет до Наполеона Пётр создал конную артиллерию. В инструкциях войскам он обосновывает идею взаимной выручки и поддержки частей — «секундирование единого другим» и согласованности действий различных родов оружия. При нём вводится понятие боевого резерва.

В начальный период Северной войны, когда шведская армия заметно превосходит русскую, царь действует крайне осмотрительно, примечая главную особенность тактического превосходства неприятеля — «сомкнутость» строя. Ей Пётр противопоставляет полевую фортификацию: земляные шанцы (окопы) и другие сооружения вынуждают противника разрывать строй, маневрировать в невыгодных условиях, открывать фланги под огонь русской артиллерии. Петровская пехота выучилась владеть лопатой как шпагой. Становясь на бивак, немедленно обносила его шанцами: «тяжело в учении — легко в бою». Именно о полтавские редуты и разбилась хвалёная шведская сомкнутость. Кавалерия петровская великолепно была обучена действовать как в конном, так и в пешем строю.

Венценосный полководец при этом неустанно печётся об исполнителях своих новаций. Петровские документы проникнуты заботой о защитниках земли Русской. Отношения между офицерами и солдатами, по мнению царя-реформатора, должны строиться на отеческих началах. «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать», — гласят уставы тех лет. «Капитан должен вести себя с солдатами, яко отец с детьми, увещевая непорядочных, поправляя их советами, и наказывать милости недостойных, отличать и любить добрых». «Полковнику надлежит знатному и искусному благовзрачному мужу быть, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был, и имел бы старание о добрых обер- и унтер-офицерах... Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно».

Пётр Алексеевич превыше всего ставил нравственное воспитание воинов. Он указывал, что *все материальные условия «есть не более, как ветвь для будущих плодов, корень же есть нравственный элемент»*. Какие же средства для воспитания нравственных начал в российском воинстве избрал державный педагог? Высокому нравственному духу армии способствовали забота начальников о подчинённых, личный пример офицеров, справедливая их требовательность, сознательное отношение к долгу. Так, например, чтобы выяснить, достаточен ли солдатский паёк, царь в течение месяца, исполняя служебные обязанности рядового, довольствовался тем же провиантом. Государь, человек крутого нрава, опекал раненых, учреждал госпитали, аптеки, приюты для инвалидов, выписывал для армии и флота врачей.

Дисциплина в «петровской школе» водворялась железной рукой. Виновных под арест сажали в окопах. Офицеров и генералов, без оглядки на чины и заслуги, могли разжаловать в солдаты... «Посрамлению» могли подвергаться и воинские части. «Полки или роты, которые с поля сражения побегут, судить в генеральном военном суде и если найдётся, что начальники тому причиной, то их шельмовать и, преломив над ними через палача шпагу, повесить, — писал в одном из своих воинских артикулов российский самодержец. — Если виновные

офицеры и рядовые, то первых казнить, как сказано, а из последних по жребии десятого или, как повелено будет, также повесить — прочих же наказывать шпицрутенами и сверх того без знамен стоять им вне обоза, пока храбрыми деяниями загладят преступления. Кто же докажет свою невиновность, того пощадить...» К чести русской армии к подобного рода наказаниям прибегать не пришлось. Но грозная сентенция сослужила свою службу, заставив преодолеть страх не одно робкое сердце...

С 1712 по 1721 год из Бутырского полка, считавшегося одним из лучших в армии, бежал 361 человек... Это — следствие новой для русского народа пожизненной рекрутской повинности. Призванный под знамена «новик» первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит семьи, своих близких, родных, и пускался в бега...

Из дисциплинарной практики прошлого Пётр I установил «тариф» за каждого бежавшего драгуна:

- с полковника 1 руб. 50 коп.
- с подполковника и майора 1 руб. 50 коп.
- с капитана 1 руб. 50 коп.
- с поручика 50 коп.
- с прапорщика 50 коп.

Волынский Н. История лейб-гвардии Кирасирского его величества полка 1701–1901. Т. 1, Кн. 1, СПб., 1901.

Побег как форма протеста против условий обучения был известен не только солдатам, но и дворянам-школярам из кадетских корпусов и других привилегированных учебных заведений. «Школьные побегии вместе с рекрутскими наборами стали хроническими недугами русского народного просвещения и русской государственной обороны», — писал историк В.О. Ключевский.

Постепенно подневольный профессионал свыкался со своей участью во имя России и всю свою привязанность переносил на свою вторую семью, на товарищей и отцов-командиров.

«Друг человеков»

«В службе — честь» — наиглавнейший завет Петра I, вошедший в плоть и кровь русского офицерства, стал основой воспитательной работы. Блистательные победы русского оружия в Семилетней войне (1756–1763), при Ларге, Кагуле и Чесме в 1770 г., при Фокшанах и Рымнике (1798), взятие Измаила (1790), знаменитый Итальянский и Швейцарский походы Суворова (1799) — яркое свидетельство превосходства и жизненности отечественной военной науки, практики и педагогики.

Огромное влияние на эволюцию военной педагогики оказал П.А. Румянцев (1725–1796) — новатор петровского масштаба. Он был первым военным деятелем после Петра I, посмотревшим на военное дело с точки зрения государственной, без односторонности специалиста. Он высказывался за соразмерность военных расходов с другими потребностями общества, ставя благосостояние армии в зависимость от благосостояния народа.

Любопытен документ — годовые оклады (по табелям 1732.) офицерского состава:

- полковник — 800 руб.;
- подполковник — 600 руб.;
- премьер-майор — 400 руб.;
- секунд-майор — 300 руб.;
- ротмистр — 336 руб.;
- поручик — до 240 руб.;
- драгун получал 12 рублей, но за вычетом «на мундир» ему на руки выдавалось всего 66 3/4 копейки.

Кстати, в то время пистолет стоил 2 руб. 50 коп., палаш — 1 руб., барабан — 1 руб., топор — 25 коп., телега — 10 руб.

В эпоху, когда в Европе господствовали бездушные прусские рационалистические тео-

рии, формализм и автоматическая — «фухтельная» — дрессировка, Румянцев сделал основой воспитания войск нравственный элемент. Причём воспитание, моральную подготовку он отделял от обучения, подготовки физической. Он не был поклонником телесных наказаний, как Фридрих II в Пруссии, граф Сен-Жермен во Франции. Гуманность Румянцева воспел Г. Державин:

Благословен до поздних веков
да будет друг сей человек.

Поучения и наставления свои полководец собрал в 1770 году в «Обряд служб», ставший на долгое время строевым и боевым уставом российской армии. Естественно, что в великой румянцевской школе появились такие видные военные просветители-гуманисты, как Г. Потёмкин, П. Панин, В. Репнин, А. Суворов.

О гуманизме говорю не для красного словца. Это родовая черта нашего воинства. «Ваша кисть изобразит черты лица моего — они видны, — говорил А.В. Суворов художнику, писавшему его портрет, — но внутреннее человечество моё скрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик; при приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим...»

В век палочной дисциплины и жестокой муштры вчерашний крепостной в армии Суворова чувствовал себя человеком, личностью, верил в собственные силы и, «понимая свой маневр», обретал национальное самосознание, был готов сражаться с любым самым сильным противником.

Полководец, не проигравший ни одного полевого сражения, А.В. Суворов требовал от войск строжайшей, суровой дисциплины, но нравственные принципы, которым должен был следовать воин, поднимал на уровень одухотворённой веры, взывающей к душе и совести.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твёрду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученье — свет, неученье — тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохой владеть — хлеб не родится. За учёного трех неучёных дают. Нам мало трёх, давай нам шесть. Нам мало шести, давай нам десять на одного. Всех побьём, повалим, в полон возьмём! Последнюю кампанию неприятель потерял щётных семьдесят пять тысяч, только не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!..

А.В. Суворов. Наука побеждать

Свою «Науку побеждать» Александр Васильевич называл не иначе, как «катехизисом», то есть изложением основ веры. В этом смысле суворовская система отличалась не только от прусской методики, скажем, от устава Фридриха II, превращавшего солдата в механическую куклу, но и шла дальше всех существовавших до него. Он рассчитывал прежде всего на нравственную, духовную основу воина. Слабый телом, но крепкий духом солдат делает больше, чем малодушный силач. Оттого Суворов, говоря современным языком, заботился, прежде всего, о бойцовских качествах, духовном строе русского воина. *Под преобладающим влиянием нравственного воспитания складывалась система физического, военного обучения.*

Поскольку стойкостью русский солдат отличался искони, генералиссимус старался развить в нём активное творческое начало, воспитывал и укреплял в солдатах решительность, инициативу, совершенно необходимую в живом и переменчивом военном деле. «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство».

Суворов допускал «возражения низшего высшему, но так, чтобы оно делалось «пристойно», наедине, а не в многочисленном... излишние рассуждения свойственны только школь-

никам и способностей вовсе не доказывают — *способность видна лишь из действий*». Для того времени подобное отношение к подчинённым было невиданным демократизмом, вселявшим в нижние чины уверенность, способность сокрушать любого врага. Эту уверенность Суворов культивировал целенаправленной индивидуальной работой. «Каждый, — говорил он, — шёл через мои руки, и сказано ему было, что более знать ему ничего не осталось, только бы выученное не забыл».

Полководец считал обучение и воспитание единым процессом, требующим от командиров настойчивости, последовательности, продуманности. Он писал: «В обучении... чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим».

Александр Васильевич неоднократно подчёркивал, что обучение войск — процесс бесконечный, и требовал от подчинённых постоянно заниматься самообразованием.

По инициативе Кутузова

Русский военный гений напоминает мощную реку со своими истоками и продолжением в новом русле. Последователь Петра I, ученик П. Румянцева, Александр Васильевич Суворов воспитал плеяду российских военачальников, под руководством которых были разгромлены полчища Наполеона, на его прогрессивных идеях росли русская военная школа и военная педагогика.

Некоей опытной делянкой, селекционной лабораторией педагогических новаций стали кадетские корпуса (см. об этом: НО, 2002, № 7), в годы правления Александра II — военные гимназии, в стенах которых готовили не только офицеров для армии, но и чиновников для государственной службы. 1-й кадетский корпус Санкт-Петербурга выпестовал многих светочей культуры, среди которых — писатель А. Сумароков, родоначальник национального театра Ф. Волков, актёры И. Дмитриевский, А. Попов и многие другие. Эти учебные заведения давали хорошее образование. К примеру, в Шляхетском кадетском корпусе, учреждённом в 1731 году, будущие офицеры изучали богословие, юриспруденцию, латынь, немецкий (либо по выбору английский, французский), географию, математику, артиллерию, фортификацию. Кадеты осваивали верховую езду, фехтование, танцы.

Об уровне образования в сухопутном кадетском корпусе в середине XVIII столетия можно судить по тому, что кадеты пользовались иностранной литературой и новейшими русскими учебниками — «Арифметикой» Л. Магницкого, «Практической геометрии» И. Назарова, сочинениями М. Ломоносова, В. Третьяковского, А. Кантемира. Любопытно, что уже тогда учебный процесс основывался во многом на положениях «Великой дидактики» Я. Коменского. Воспитание, укоренившееся в корпусе, целиком отвечало социальному заказу того времени, направлялось не столько на то, чтобы максимально раскрыть индивидуальность юношей, сколько на то, чтобы отшлифовать личность под «дворянский стандарт». Эта суровая, по-своему универсальная школа давала удивительные результаты. Вкусив «плодов просвещения», выпускники корпуса делились своими познаниями с народом. Нет, речь не о том, что поручик знакомил первого встречного мужика с азами грамоты. Просветительский дар офицеров раскрывался в полках, ротах, батареях, экипажах, где «их благородию» по уставу было положено образовывать солдат и матросов и по собственной инициативе с детьми унтер-офицеров заниматься... «Круговорот знаний» совершался от господ офицеров к солдатам и обратно: господа-офицеры не гнушались учиться у народа. Офицерских детей из-за занятости родителей, недоступности дорогих заграничных наставников нередко учили грамотные унтер-офицеры. Так, сына командира Архангелогородского полка Т. Болотова Андрея к рисованию приобщал полковой писарь, а унтер-офицер с розгой «вогнал в него арифметику» ... (Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1737–1796. Т. 2. Тула: Приокское книжное издательство, 1988. С. 512).

С назначением на должность генерального директора кадетского корпуса генерал-поручика Ивана Ивановича Бецкого произошли самые примечательные метаморфозы в рос-

сийской педагогике. *Впервые принуждение в учебном процессе уступило место убеждению кадетов в пользу знания.* В корпусе открыли библиотеку, натуральный кабинет, ботанический сад, арсенал, механическую и архитектурную «каморы», картинную галерею. *Эстетизация среды обучения* также привилась на отечественной почве с лёгкой руки Ивана Ивановича. Даже каменную ограду сада корпуса, в котором играли кадеты, Бецкой превратил в своеобразное и очень эстетичное наглядное пособие: на ней была изображена история цивилизации — от пирамид египетских до жемчужин русской архитектуры.

Преуспевающих учеников публично в торжественной обстановке стали награждать золотыми медалями. *Моральные стимулы подкреплялись материально:* обладатели наград за казённый счёт могли три года путешествовать и совершенствоваться в языках за границей. В инструкции, изданной Бецким для своих питомцев, говорилось: «*Всякое путешествие должно иметь своим предметом просвещение*». Он рекомендовал в инструкции, как вести наблюдение, дневник...

Замечу к слову: этим эпистолярным жанром пользовались многие офицеры. Их наблюдения сохраняют непреходящее значение для исторической науки, словесности и, конечно же, для педагогики. Согласитесь: без энциклопедически обстоятельных «Записок» А. Болотова, М. Воронцова, Д. Давыдова, А. Ермолова, П. Кропоткина, воспоминаний А. Брусилова, Ф. Глинки, А. Фета палитра нашей культуры была бы гораздо беднее!

Директор-новатор заложил в учебный план *идею первичности общего образования и воспитания перед специальной, профессиональной подготовкой.* Не будет преувеличением сказать, что народное образование во многом согрето офицерской шинелью. В 1772 году при Шляхетском кадетском корпусе открыли мещанское отделение — *предтечу отечественных учительских семинарий.*

Преемник Бецкого генерал-поручик Ф. Ангальт ввёл в корпусе и поныне здравствующую *классно-урочную систему* обучения, основателем которой был Я.А. Коменский. Продолжительность урока — полтора часа. Вместо непрерывных круглогодичных занятий появился учебный год с зимними и летними каникулами.

Но будущих офицеров в праздности не держали и летом на каникулах. Генерал-лейтенант А. Игнатъев вспоминал: «Если б не уроки иностранных языков, музыки, рисования, которыми нас мучили во время летних каникул, мы с братом все дни проводили бы на покосе, на пахоте, на уборке хлеба. У каждого из нас была своя лошадь, телега, коса с оселком, и нам казалось чем-то диким и недостойным развлекаться какими-либо играми в то время, как вокруг все трудятся». (*Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю.* М.: Военное издательство, 1988. С. 23).

Генерал-поручик М. Кутузов, принявший под своё начало корпус, установил обязательные для старших воспитанников летние лагеря, которые в дальнейшем переняли все военные учебные заведения. В 1797 году, исхлопотав «в рассуждении бедного состояния» 51 выпускнику средства для экипировки и проезда к месту службы, он фактически узаконил практику снабжения «подъёмными» молодых офицеров. Будущий фельдмаршал, известный своей деликатностью, жёстко реагировал на нерадивость учащихся. «Из господ кадетов и гимназистов, — говорилось в его приказе по корпусу, — великое число явилось ленивых, которым на поправление успехов даю месяц сроку; ежели затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты наказаны, ныне же явившихся ленивыми не отпускать со двора»... То есть, говоря современным языком, — не отпускать в увольнение.

По инициативе князя при корпусе было открыто для малолетних сыновей погибших офицеров отделение, *первый в России своеобразный детский сад,* где мальчиков готовили к поступлению в гимназию.

К чести России, в иные годы воевавшей на два-три фронта, забота о сиротах солдатских не была делом второстепенным. Не в пример нынешним властям, наплодившим в мирное время почти 3 миллиона беспризорных (*Независимая газета, 9.04.2002*). В 70-е годы XVIII столетия именно Военная комиссия настаивала на организации приютов: «*Сбережение солдатских детей,* дабы все оные без призрения не оставались и, по неимуществу со-

держания, до возраста меж двор не скитались и тем напрасно пропадать не могли, сопряжено с пользой для службы ея Императорского Величества». (Полное собрание законов Российской империи. Т. 17, № 12412). В конце 1798 года в Петербурге был открыт Императорский военно-сиротский дом, а при гарнизонах созданы его отделения, где одновременно стали обучать и воспитывать 16 400 малолетних сирот.

Новаторские педагогические идеи суворовской школы укоренились и на флоте. Голубой крест Андреевского флага многократно «перечёркивал» на море и на суше замыслы противников нашего Отечества. Талант флотоводцев, в том числе и педагогический талант, героизм и патриотизм команды — вот что наполняло ветром паруса удачи россиян.

Как и А.В. Суворов, адмиралы Ф.Ф. Ушаков, М.П. Лазарев, В.А. Корнилов, П.С. Нахимов не отделяли себя от матросов, жили вместе с ними одной жизнью, одними заботами. Побывав под неприятельскими ядрами в Синопском сражении, Нахимов сказал: «С такими подчинёнными я с гордостью встречу с любым неприятельским европейским флотом».

Личный пример офицера как действенное средство воспитания флотоводцы сделали нормой. «Из трёх способов действовать на подчинённых, — писал П.С. Нахимов, — наградами, страхом и примером — последний есть вернейший».

Всё это идеи, мысли вполне современные. И что характерно: тяга к творческому осмыслению военного и педагогического наследия великих полководцев и флотоводцев возрастала в период военных испытаний, коренных преобразований в армии и обществе.

Писатель Александр Кривицкий вспоминал, как он вместе с прозаиком Петром Павленко в перерывах между поездками на фронт, который находился в полусотне вёрст от Москвы, запоем читал старопечатные книги русских полководцев, записки офицеров, теоретические труды, с тем чтобы ещё в самом начале Великой Отечественной войны рассмотреть контуры Победы, на богатом мемуарном материале понять истоки народного героизма, его военного творчества (*Кривицкий А.Ю.* Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984). Думаю, в нынешнее российское лихолетье опыт литераторов-баталистов должен быть востребован. Пора повернуться лицом к военно-педагогическому наследию Отечества, ибо классика, как Библия, никогда не обманет.

Раскрепощение духа

Милютинская военная реформа (1860–1870 гг.) базировалась на суворовской системе обучения и воспитания. Военный министр Дмитрий Александрович Милютин (1816–1912) крайне критично оценивал состояние отечественной военной школы. «Наши офицеры образуются совершенно как попугаи, — писал министр в своём дневнике, — до производства их они содержатся в клетке и беспрестанно толкуют: «Попка, налево кругом», — и попка повторяет это... Когда попка достигнет до того, что твёрдо заучит эти слова и притом будет уметь держаться на одной лапке... ему надевают эполеты...» (*Милютин Д.А.* Дневник. Т. 1–4. М., 1947–1950).

Вступив в управление военным министерством в ноябре 1861 года, Милютин собрал мыслящих офицеров армии и флота и вместе с ними составил план преобразования военного управления, оформив его в виде «Всепоподданнейшего доклада» царю. Этот документ и «завёл» механизм военной реформы. Наша действительность явила миру уже сотни концепций модернизации Вооружённых Сил РФ; её библиография — десятки тысяч единиц хранения. Монографиям, диссертациям, докладам, статьям — несть числа. Но, увы, нет пока и нового качества Российской армии.

Милютинская реформа усилила тягу к среднему и высшему образованию в тех слоях общества, которые раньше, даже имея возможность его получить, не очень-то стремились к этому. Теперь же влиться в офицерскую среду могли и талантливые, мужественные люди недворянского происхождения, что размывало кастовость, демократизировало офицерский корпус. Десятилетняя реализация новаторских идей «доклада» позволила России и её армии

зажить *по нормам буржуазного права*. Преображённая армия одержала победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Страна перешла от прежнего принципа комплектования вооружённых сил — рекрутских наборов ко всеобщей воинской повинности. Реформа открыла солдатам доступ к грамоте — *в казарму пришёл букварь*. Объективности ради отмечу, что знакомить солдат с грамотой начинали офицеры-декабристы, устраивал начальные классы для солдатских детей генерал от кавалерии и поэзии Денис Давыдов и его боевые друзья.

Так, приняв в 1821 году под своё начало дивизионную школу, герой Отечественной войны 1812 года Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872) разработал пособие «Учреждение школы взаимного обучения» — аналог ланкастерской системы. В классе силами офицера и его помощников из числа подготовленных унтер-офицеров проводилось обучение солдат. На уроках Раевский не ограничивался преподаванием письма и счёта. Он знакомил воинов с основами географии, истории, государственного устройства, комментировал политические события, излагал собственный *Моральный кодекс*, придавая нравственному воспитанию воинства огромное значение.

Моральный кодекс В. Раевского

1. Не делай и не желай другому, чего себе не желаешь.
 2. Чужая тайна есть чужая собственность.
 3. Читай Евангелие со вниманием, если хочешь сделаться добрым человеком.
 4. Молчание очень часто равняется уму.
 5. Самая глупая книга может быть в отличном переплёте и наоборот.
- Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980.

К слову сказать, первый этап ленинской классификации революционно-освободительного движения в России (дворянский, разночинский, пролетарский) вполне заслуженно можно называть *офицерским*. Перелистайте биографии «первенцев свободы» и вы легко убедитесь в этом. Из 579 декабристов — 456 принадлежали к офицерскому корпусу. Ядро революционеров составили «сыны 1812 года», которые при Бородино и других баталиях убедились в том, что солдатская кровушка, пролитая за Отечество, как и их, господская, — алого цвета...

Передо мной «Русская правда» — проект конституции полковника П. Пестеля. В ней автор предлагал не только закрепить победу революционного переворота провозглашением республики, но и одновременно наметил контуры правительственной программы образования народа. Конституционный вариант капитана Н. Муравьёва декларировал широкие политические права и свободы граждан, в том числе и общедоступность просвещения, требование «*давать благое направление воспитанию юношества*». «Раб, ступивший на Русскую землю, становился свободным человеком» (Подробнее об этом: *Хантачаев Э.Г.* Педагогическая и просветительская деятельность декабристов в Сибири: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. Иркутск, 1974).

У сторонников эволюционного развития России также немало заслуг перед Отечеством в сфере образования. На офицерский корпус, помимо защиты Отечества, в период милютинских преобразований легла ещё одна почётная миссия — просветительская. Потомственный гвардейский офицер Алексей Алексеевич Игнатъев вспоминал: «Отдыхаю душой только на занятиях в классе... где каждое моё слово принимается как откровение старательными учениками, из которых *сорок процентов окончили только сельские школы, а сорок процентов — совсем безграмотные и попали в учебную команду как отличные строевики* (курсив мой. — В.Д.). По вечерам я превращаюсь в сельского учителя, исправляя диктовки и арифметические задачи» (*Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1988. С. 75).

«Предупреждать всякое нарушение тишины»

В «Мнении о военно-учебных заведениях» Милютин писал, что подготовка офицера в кадетских корпусах обходится в 10 тысяч рублей, что может обеспечить только гвардию, ар-

тиллерию и инженерные войска, да и то людьми невысокой квалификации. Автор «Мнения...» полагал, что воспитание юношей должны вести гражданские учебные заведения, а военную специализацию давать заведения военные. Принадлежность специалистов к различным ведомствам не умаляла результатов их труда в общегосударственном общественном масштабе. К примеру, новаторские методы лечения генерал-майора медицинской службы Н.И. Пирогова (1810–1881) и его учеников в равной мере избавляли от страданий военных и гражданских пациентов. У педагогической общественности свои основания для почитания разностороннего таланта Николая Ивановича, внесшего значительный вклад в дидактику.

Военный хирург Пирогов сформулировал и обосновал *принцип научности обучения*. *Высшая школа должна опираться на науку, преподавать науку, ибо только это развивает умственные способности, духовный потенциал личности*. По мысли Пирогова, преподаватель должен направлять и воспитательную силу науки на развитие у слушателей здравого смысла, любви к истине, а через них — *улучшение нравов будущего поколения*.

Николай Иванович предлагал заменить лекцию сократовским способом учения в виде эвристических бесед (диалогов, семинарских занятий), главная цель которых — обсуждение основных вопросов науки. Пирогову принадлежит приоритет в разработке методики эвристической беседы. В его представлении алгоритм изучения науки таков: изучение рекомендованного учебника; чтение курса лекций; разъяснение неясностей, сомнений и т.п. (*Пази-нич Б.С. Проблемы дидактики высшей школы в педагогическом наследии Н.И. Пирогова*).

Не так уж принципиален для научно-технического прогресса был, скажем, цвет околыша форменной фуражки, которую носил инженер В.Г. Шухов (1853–1939). Изобретения Владимира Григорьевича в равной мере служили мирным и военным целям, отечественным и зарубежным потребителям. Вклад этого человека в научно-технический прогресс так велик, что из названий его изобретений составили своеобразную «азбуку».

АЗБУКА ШУХОВА

А — ангары; **Б** — батопорты, баржи нефтеналивные; **В** — воздушно-канатные дороги, первые в мире висячие металлические перекрытия, водонапорные башни; **Г** — газгольдеры, создание которых избавило Россию от колоссальных выплат Германии; **Д** — доменные печи, дымовые трубы из кирпича и металла; **Ж** — железнодорожные мосты через Енисей, Оку, Волгу и другие реки; **З** — землечерпалки; **К** — котлы паровые, кузнечные цехи, кессоны; **М** — мартеновские печи, мачты электропередач, маяки, меднолитейные цехи, мостовые краны, мины; **Н** — насосы, позволяющие качать нефть с глубины 2–3 километров, нефтеперегонные установки; **П** — пакагузы, порты; **Р** — радиобашни, в том числе Шаболовская в Москве, резервуары, в том числе первые в мире цилиндрические; **Т** — танкеры, трубопроводы; **Ш** — шпалопрокатные заводы; **Э** — элеваторы, в том числе «миллионники» в Козлове и Саратове...

Примерно треть изобретений оборонного и мирного (двойного) назначения принадлежала российскому офицерскому корпусу. Неизгладимой печатью таланта людей в погонах отмечен вклад в точные и гуманитарные, фундаментальные и прикладные науки. Почти 150 адмиралов и офицеров российского флота подарили свои имена морям, островам, проливам, бухтам и другим географическим пунктам, расположенным вдоль «русского побережья» — от Мурманска до Владивостока. Моряки построили первый самолёт (капитан 1-го ранга А. Можайский) и первый автомобиль (офицер флота Е. Яковлев). По праву делят славу русского оружия с великими полководцами «генералы от металлургии» П. Аносов, П. Обухов, Д. Чернов.

Прорывные технологии — дар военной школы Марсу — отнюдь не признак воинственности, агрессивности России. Военные приготовления, как ни парадоксально это звучит, направлены на преодоление войны. «Только подводные лодки в союзе с аэропланами, — писал в начале XX века лейтенант М. Тьедер, один из первопроходцев российского подводного флота, — *могут положить предел бесконечному увеличению государствами их военного бюджета, только они помогут всем странам, наконец, вздохнуть привольней в атмосфере мира, культуры и благосостояния*. Эти новые смертоносные машины войны отрезвят наконец воинственный пыл наших правительств и в историю народов внесут тот перелом, тот

мир, о котором до сих пор так безнадежно мечтали лучшие люди».

К числу этих мечтателей, несомненно, принадлежал В.Ф. Малиновский (1765–1814), первый директор Царскосельского лицея, пионер отечественной конфликтологии, автор обстоятельных трактатов о войне и мире. Выдающийся просветитель, сподвижник М. Сперанского, он утверждал принцип невмешательства одного государства в дела другого. Опережая своё время, Василий Фёдорович предлагал учредить справедливые и прочные нормы международного права, ратовал за создание постоянного совета, который наблюдал бы за их соблюдением и действовал на основе единодушия составляющих его представителей народов. Совету, прообразу современной Организации Объединённых Наций, рекомендовалось *«сохранять общую безопасность и собственность и заранее предупреждать всякое нарушение тишины»*... Проект Малиновского предусматривал применение санкций против нарушителей мира. Он подчёркивал, что единственное законное оправдание войне — это необходимость отражать нападение.

Армия, военная школа России с традиционным благоговением относились не только к военным, точным, техническим дисциплинам, непосредственно повышающим качество боевой учёбы, эффективность вооружённой борьбы, но и к «тихим», имеющим относительное прикладное значение. Не способствует облегчению труда, например, демограф, собиратель фольклора, никому не обещает прибылей орнитолог или фенолог. И тем не менее под сенью знамён с ликом Георгия Победоносца служило немало рыцарей таких «неглавных наук». Одним из них был подпоручик Пётр Иванович Борисов (1800–1854), вошедший в историю не только как декабрист, руководитель тайного Общества соединённых славян, но и как видный натуралист. Итогом многолетних наблюдений бывшего офицера-артиллериста стали монография «О муравьях», ряд естественнонаучных работ, которыми и по сей день пользуются биологи многих стран мира.

Ломоносовское пророчество о том, что российское могущество станет прирастать Сибирью, пожалуй, начало обретать реальность с просветительских, подвижнических инициатив декабристов. Для социально-экономического, культурного развития великого заснеженного края ссыльные командиры полков, батальонов, рот, экипажей и батарей сделали чрезвычайно много. Миллионные фонды современных сибирских университетов, академий, военных училищ, научных центров ведут счёт с изданий, завезённых в «медвежьи углы» декабристами и другими бунтарями-просветителями.

По состоянию на 1873 год в библиотеке Николаевской академии Генерального штаба имелись следующие сочинения:

	На русском языке	На иностранных языках
Военные	721	3339
Политические	1179	2829
Литературные и философские	334	1564
Математические и естественных наук	201	613
Итого:	2435	8345

В Государственной российской библиотеке я полистал каталоги полковых библиотек. И что же? К примеру, личный состав 5-го Вятского пехотного полка располагал философскими, военными трудами, мемуарами полководцев, книгами по физике, астрономии, сочинениями русских, зарубежных классиков. На полках стояли тома В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Короленко, Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского. Приобретались книги на средства офицеров. Право пользования — бесплатное, но при задержке сверх срока (две недели) удерживали штраф — 3 копейки за сутки. При утере тома из собрания сочинения взыскивалась стоимость всего сочинения. Эти деньги шли на ремонт и пополнение фонда. Нет, не вяжется культовое отношение к книге с пропагандистским клише о «забитой серой массе» русских солдат. Читающий и, надо полагать, думающий люд служил в русской армии.

Генерал Драгомиров: «Воспитание важнее образования»...

Становление целостной военно-педагогической школы в российской армии второй половины XIX века связано с именем генерала М.И. Драгомирова (1830–1905). Основываясь на большом опыте службы в войсках, Михаил Иванович разработал систему обучения и воспитания, которая учитывала специфику русского национального характера и соответствовала последним достижениям тогдашней военно-теоретической мысли России и зарубежных стран. Военно-педагогические идеи Драгомирова отличались тесной связью с потребностями боевой практики войск, со стремлением к всестороннему развитию солдата. В подготовке войск, считал Михаил Иванович, главное место занимают вопросы воспитания. «Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, нежели умовое».

«Старайтесь прежде всего вкоренить в солдат чувство военного долга, — писал Драгомиров, — развейте в его голове идеи чести и честности, укрепите и возвысьте его сердце, а остальное придёт само собою... Выше всего... стоит готовность страдать и умирать, т.е. самоотвержение... оно даёт силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высшей любви».

Драгомиров связывал дисциплину с нравственной зрелостью военнослужащего: «Дисциплина заключается в том, чтобы вызвать на свет божий всё великое и святое, таящееся в глубине души самого обыкновенного человека». Большие требования предъявлял он к офицеру. По его словам, он «должен обладать искренней преданностью и любовью к военному делу, которое потребует от него значительного напряжения как духовных, так и физических сил, и добросовестно его сможет выполнять только тот, у кого есть любовь к нему, кто посвятил себя этому делу и решился служить ему не только за страх, но и за совесть; если всего этого нет, то лучше бросьте это дело и снимите военный мундир: для всех от того, бесспорно, будет только лучше; да и честнее это...»

Авторитет военного мундира — самодостаточный элемент воспитания — был столь велик, что с ним не могли соперничать патриархальные традиции. В воспоминаниях Т.П. Пассека изложена история из жизни кашинского помещика И.И. Кучина.

«...В отчем доме гостил артиллерийский офицер Александр. Пользуясь отцовским экипажем, молодой человек гонял лошадей до белой пены... Старый помещик несколько раз выговаривал лихачу и просил беречь животных. Однажды Александр засиделся в гостях за полночь и по своему обыкновению нёсся домой во весь опор. Отец встретил его во дворе, глянул на измученных лошадей и покачал головой. Затем вошел в комнату сына и велел ему снять кресты и мундир. Александр в изумлении выполнил волю отца. Кучин-старший сказал: «Пока на тебе жалованные царём кресты и мундир, я уважаю в тебе слугу царского, когда же ты их снял, то вижу только своего сына и нахожу долгом проучить розгами за неуважение к словам отца».

— Помилуй, батюшка, — завопил молодой человек, — ведь это ни на что не похоже — сечь, как ребёнка. Я виноват и прошу вас простить меня.

— Ну, брат, — возразил старик, — если не считаешь долгом исполнить волю мою, ты мне не сын... Кто не чтит родителей, тот не будет чтить ни Бога, ни царя и не будет признавать никакого нравственного долга. Теперь как знаешь: или я тебя высеку, или мы навсегда чужие...

Кончилось тем, что Александр покорно лёг на пол, старик разок стегнул его веником, расплакался и помирился с сыном. (*Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: LINKA-PRESS, 1995. С. 180–181.*)

Славу генерала-подвижника, самобытного педагога, кумира офицерской молодёжи делил с Драгомировым Михаил Дмитриевич Скобелев. В одном из приказов по корпусу он требовал от офицеров «проникнуться убеждением, что неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, — лучший залог к победе». «Солдата нужно бодрить, веселить, — указывал Скобелев, — у нас солдат молодой, впечатлительный и требующий сердечного ухода за ним». Сторонник железной дисциплины, Скобелев вместе с тем вёл реши-

тельную борьбу с рукоприкладством, унижением достоинства солдат. Он писал: «Дисциплина должна быть железною. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней...»

Белый генерал, как звали его в народе, высказывал много интересных мыслей о воспитании у офицеров и солдат взаимного уважения, взаимовыручки, храбрости, инициативы. «Мы все должны помнить, — говорил он, — что на взаимной помощи зиждется победа...» Для воспитания чувства взаимовыручки Скобелев предлагал так называемое «куначество», т.е. близкое знакомство личного состава подразделений и частей друг с другом в совместном досуге. Скобелев стремился к *«воспитанию всех частей, от роты, эскадрона, батареи до дивизии и артиллерийской бригады, в духе неразрывной связи, уважения друг к другу и готовности в решительные минуты всем пожертвовать для товарищей»*.

Гуманистические идеалы Скобелева разделяли далеко не все командиры. Жестокосердие и несправедливость начальников — причина многих солдатских бунтов и выступлений — точно обоз, погоняемый нерадивыми возницами, задерживал поступательное движение «непобедимой и легендарной»...

Человеколюбие не уживалось даже в тех структурах, где оно должно быть по определению. Порядки в кадетских корпусах, в Смольном институте для благородных девиц, описанные в мемуарах П.М. Жемчужникова и Е.Н. Водовозовой, поражают своей жестокостью. Детей истязали, морально угнетали.

Мздоимцы в погонах посягали на скромные средства просвещения. Как писали А. Герцен и Н. Огарёв, командиры гвардейских частей иногда присваивали 2/3 суммы, выделенной для полковой школы... (См.: *Герцен А.И. и Огарев Н.П.* Голоса из России Кн. I–III. О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях. М.: Наука, 1974. С. 56).

Либеральная реформа, как её понимали единомышленники Милютина, затевалась с мыслью о возвращении России экономического, военного, морского могущества и, естественно, не могла не затронуть человеческого фактора. Любопытный, созвучный нашим дням прозвучал акцент в одном из отчётов генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. «Самое сильное средство, которое морское начальство имеет, чтобы действовать в пользу флота, состоит в *воспитании нескольких поколений будущих морских офицеров, строителей кораблей и механиков*, — писал брат императора. — Все улучшения и усовершенствования, которые вводятся в нынешнем флоте и морском управлении, маловажны сравнительно с тою пользою, которую может принести хорошее воспитание будущих моряков... *Посему устройство морского воспитания должно быть главною и самою существовательною обязанностью морского начальства»*.

Приоритет педагогики перед техникой объяснялся ещё и особенностями развития судостроения. Только завершался переход от парусного корабля к винтовому, к броненосному. И морское командование ещё с полной уверенностью не могло предугадать перспектив флота, не торопилось вкладывать средства в проекты кораблей, боясь их естественного (ещё на стапелях) морального и технического старения. Министерство выжидало, наблюдая за всеми новейшими усовершенствованиями иностранных флотов, но выделяло средства на частые и дальние плавания гардемарин и офицеров. Разнообразие и неожиданность ситуаций, в которые моряки попадают в дальних и кругосветных плаваниях, опасности, с которыми им приходится бороться, придавали неоценимые для морской службы свойства: навык и любовь к морской стихии, чувство долга, твёрдость характера, отвагу, самопожертвование и находчивость.

Исчерпывающую характеристику механизму переливания нравственных сил от старших поколений к младшим дал К.Д. Ушинский. Он говорил о моряках, но мысль его верна для всех коллективов. «Характер моряка, — отмечал Константин Дмитриевич, — образовавшись раз в истории флота, где бури и битвы наполняют каждую страницу, потом переходит уже легко и быстро от одной личности к другой, от одного поколения моряков к другому. Новый пришелец на борт корабля, окружённый энергическими натурами старых моряков, быстро и неудержимо подчиняется их влиянию и проникается их характером, сложившимся веками.

Этот характер скоро покоряет безразличную, неустановившуюся натуру молодого рекрута, находит в его душе новую, свежую и, может быть, сильную почву для своего дальнейшего существования и развития. Таким образом полнеют предания флота и создаются типичные личности моряков, живые хранилища морских преданий. Эти предания не могут быть ни записаны, ни рассказаны. Они живут не мёртвою жизнью пыльной летописи, но полною жизнью настоящего — живут в характере моряков. Они неоценимо важны для флота и составляют корень его живучести и силы; они-то дают его развитию ту неистощимую моральную почву, которая не боится уже случайностей, потому что всегда может создать и новый флот, и новых моряков» (Армия, 1993, № 16, С. 4–5).

За 25 лет, отсчёт которым положили 60-е годы XIX века, в заграничных плаваниях и походах побывало 20,5 процента офицеров и треть матросов от всего плавсостава. Добрый пример современным флотоводцам. Пора, пора российскому флоту в Мировой океан. Мы слишком долго держим корабли у стенки...

Суровую ревизию российским реформам XIX века учинила война с Японией. Оставим специалистам спор о несоответствии военно-технических, экономических потенциалов воюющих сторон, вынесем за рамки разговора и антироссийские происки союзных Японии стран — Англии и США. Обратимся только к обученности и «духу тех масс, которые проливали свою кровь на поле боя»...

Командующий Маньчжурской армией генерал А. Куропаткин так отзывался о кадровой политике тех лет: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не выдвигались вперёд, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всём соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперёд».

Вторую из многих причин нашего поражения назвал начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии А. Деникин. «Японская война привела нас и к другому «открытию», — писал он, — что командному составу необходимо учиться. До войны начальник, начиная с должности командира полка, мог жить спокойно с тем «научным» багажом, который был вынесен из военного или юнкерского училища; мог не следить вовсе за прогрессом военной науки, и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями. Какая-либо проверка посчиталась бы оскорбительной...»

Красноречивые признания, не правда ли? А ведь эти умозаключения принадлежали чинам, лояльно относившимся к царской власти. И заметьте, лозунг — *учиться!* — оказывается абсолютным для всех времён.

Военная школа извлекла верные уроки из дальневосточного конфликта. Никогда ещё военная мысль не работала столь интенсивно, как после японской войны. О необходимости реорганизовать армию и флот говорили и писали повсеместно. Усилилась потребность в самообразовании офицеров, значительно возрос интерес к военной печати.

Система военно-учебных заведений России в 1912 г.

Военные академии	— 6
специальные высшие военные академии	— 5
пехотные училища	— 6
артиллерийские училища	— 2
инженерные училища	— 2
кавалерийские училища	— 3
топографическое училище	— 1
юнкерские пехотные училища	— 5
юнкерские кавалерийские училища	— 2
специальные школы	— 10
Пажеский и кадетские корпуса	— 30

Сосредоточившись на военно-техническом оснащении армии, правительство пренебрегло идеологическим, духовным воспитанием личного состава. Этот просчёт имел далеко идущие последствия. На характере боевой учёбы, военных действий в первой мировой войне

сказалось такое ужасное явление, как безыдейность В статье офицера Кузьминского говорится: «*Вся система обучения и воспитания делала из воинов «не рыцарей без страха и упрека, а обыкновенных сереньких людей».* А солдат, не видя в своём начальнике героя, «человека, за которым он готов идти в огонь и в воду, не мог проявить свои природные качества героя.

Увлечь за собой могут только люди убеждённые, люди, сильные духом»...

Бездуховность, аполитичность офицерского корпуса, возникшие на почве экономических неурядиц, военных неудач и социального противостояния, подорвали боеспособность армии и подтолкнули к крушению государственности, к гражданской войне, в которой ни одна из сторон не смогла сохранить моральную безупречность.

Вместе с тем было бы неверно не замечать или отвергать по политическим мотивам, конъюнктурным соображениям вклад «белых» или «красных» генералов и офицеров в развитие отечественной военной школы. Фундаментальные труды и научные статьи А. Свечина, Н. Бирюкова, Н. Бутовского, М. Грулёва, М. Галкина, М. Бонч-Бруевича и других, опубликованные в периодической печати России того времени, имели одну направленность — повышение боеспособности армии, улучшение воспитания и обучения офицеров и солдат.

Цитата из 1913 года

Основная идея военного обучения — учить только тем действиям, развивать те идеи и волевые качества и чувства, в которых имеется потребность в бою; и обратно — отвергать, обуздывать и искоренять те, которые вредны на поле брани.

Основные правила обучения:

- Приучение солдат к опасности.
- Развитие инициативы.
- Обучение тому, что потребуется в бою.
- Сознательность в обучении.
- Постепенность в обучении.
- Наглядность.
- Повторение.
- Воспитание в процессе обучения.
- Заинтересованность.
- Развитие внимания в обучении.

Обязанности по отношению к уму: имеют целью сохранение умственной способности и усовершенствование её.

Первая обязанность по отношению к уму есть образование.

Кирков К. Записки по военной педагогике (психология, обучение и воспитание). СПб: Воен. тип., 1913.

Вчитываясь сегодня в строки, написанные нашими предшественниками, отчётливо понимаешь, как от поколения к поколению передавалось в русской армии понятие о долге и чести воинской. Советские военачальники, несмотря на торжество классового подхода при комплектовании РККА, не сбрасывали с «корабля современности» вековой военно-педагогический опыт и патриотизм офицерского корпуса. Когда против молодой республики началась интервенция Антанты и других недругов, на воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» откликнулось более 8 тысяч бывших генералов и кадровых офицеров, которые затем заняли должности не только инструкторов и консультантов, но и строевых командиров, начальников училищ и курсов. А всего, как утверждает историк А. Кавтарадзе, в 1918–1920 годах в Красной Армии воевало около 75 тысяч военных специалистов. «Они — неотъемлемая часть нашей Красной Армии, — писал об офицерах, перешедших на сторону большевиков, начальник Главного политического управления РККА Ивар Тенисович Смилга, — они полноправные руководители советских военных сил. Они такие же рыцари красной звезды, как и коммунисты. Недаром денкиинцы вырезали на груди умерщвлённого ими пленного бывшего генерала Станкевича именно красную звезду».

* * *

Даже непродолжительный экскурс в историю позволяет утверждать, что, несмотря на крутую ломку общественного строя, дважды пережитого страной, усилиями лучших представителей офицерского корпуса в России создана национальная школа воинского образования и воспитания. Характерными её чертами, родовыми признаками были и остаются патриотизм и народность, гуманизм и демократичность. Пусть не покажется некорректным подобное «братание» разных сословий и эпох, носителей несхожих мировоззренческих основ. Связь между ними, наставниками российской военно-педагогической школы, не формальная (по принадлежности к ведомству, корпорации идеологии), а духовная, *по родству чувств к Отечеству, причастности к общественному прогрессу.*

У современной России накопилось множество масштабных дел, которые надо решать одновременно. В экономике, социальной сфере, экологии, военном строительстве... И всё-таки самое неотложное дело — воспитание человека.